

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ
ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ
МОГИЛА В ПОДАРОК
ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ
ЛИКИ СМЕРТИ
КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ
БАРАБАНЫ ЗОМБИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ

ДЖИМ БАТЧЕР

 АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ
БЕЛАЯ НОЧЬ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ

Глава 1

Кровь не оставляет следов на плаще Стража. Я не знал это до того дня, когда на моих глазах Морган, второй по старшинству в Корпусе Стражей, занес меч над коленопреклоненной фигурой юноши, уличенного в занятиях черной магией. Мальчишка — ему и шестнадцати-то, поди, не исполнилось — кричал и ругался по-корейски под своим черным капюшоном. По малолетству он явно уверовал в свое бессмертие. Он так и не понял, когда меч опустился на его шею.

Что, на мой взгляд, можно считать милостью. Микроскопической, конечно.

Кровь тугой струей ударила из шеи, нарисовав в воздухе алую арку. Я стоял на расстоянии меньше десяти футов. Горячие капли обожгли мне щеку, а еще большее их количество усеяло злыми красными точками весь левый бок моего плаща. Голова покати-лась на землю, и я увидел, как капюшон на ней шевелится, словно рот у мальчишки продолжал выкрикивать проклятия.

Тело повалилось на бок. Мышцы одной ноги подергались некоторое время и затихли. Секунд через пять замерла и ткань капюшона.

Морган постоял еще немного над безжизненным телом, держа в руках сияющий серебром меч карающего правосудия Белого Совета. Помимо него и меня на казни присутствовала дюжина других Стражей, а также два члена Совета Старейшин: Мерлин и мой бывший наставник Эбинизер Маккой.

Когда и голова перестала подавать последние слабые признаки жизни, Морган повернулся к Мерлину и кивнул. Мерлин кивнул в ответ.

— Да обретет он покой.

— Покой, — эхом отозвались Стражи.

Все, кроме меня. Я повернулся к ним спиной, сделал два шага в сторону, и меня вырвало прямо на пол заброшенного склада.

С минуту я стоял, дрожа, пока не пришел в себя немного, потом медленно выпрямился. Кто-то приблизился ко мне; я поднял взгляд и увидел, что это Эбинизер.

Если не считать нескольких клочков редких седых волос, голова его совершенно облысела; на макушке багровел относительно свежий, резко выделявшийся на розовой коже шрам. Седая борода, закрывавшая чуть ли не половину лица, придавала ему свирепое выражение. Притом что возраст его насчитывал уже несколько столетий, двигался он на редкость энергично, да и взгляд из-под очков в старомодной золотой оправе оставался бойким, настороженным. Одет он был в положенный для собраний Совета черный балахон с темно-лиловой накидкой члена Совета Старейшин.

— Гарри, — негромко произнес он. — Ты в порядке?

— После такого-то? — огрызнулся я достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие. — Вряд ли кто-либо в этом чертовом здании должен оставаться в порядке.

Я ощутил внезапное напряжение в воздухе за спиной.

— Нет, не должны оставаться в порядке, — кивнул Эбинизер и покосился на остальных чародеев, упрямо вздернув бороду.

К нам подошел Мерлин — тоже в форменном облачении: балахоне и накидке. Выглядел он именно так, как положено выглядеть чародею: высокий, длинные седые волосы, длинная седая борода, пронзительный взгляд голубых глаз, печать возраста и мудрости на лице.

Во всяком случае, возраста — точно.

— Страж Дрезден, — произнес он. У него был звучный голос профессионального оратора, а английскому выговору позавидовал бы выпускник Оксфорда. — Если у тебя имелись свидетельства, доказывавшие невиновность этого юноши, тебе стоило представить их суду до вынесения приговора.

— У меня ничего такого нет, и вам это прекрасно известно, — ответил я.

— Его вина доказана, — продолжал Мерлин. — Я сам заглядывал ему в душу. Я обследовал также больше двадцати смертных, чьи сознания он подверг изменениям. Трем из них, возможно, еще удастся вернуть рассудок. Еще четверых он заставил покончить

с собой, и мы обнаружили девять мертвых тел, спрятанных им от местных властей. Все они состояли в кровном родстве.

Мерлин приблизился еще на шаг, и воздух в помещении вдруг показался мне обжигающе горячим. Глаза его сияли ледяным гневом, а голос буквально вибрировал от заключенной в нем энергии.

— Силы, которыми он пользовался, уже разрушили его психику. Мы сделали то, что необходимо.

Я повернулся к нему лицом. Я не выпячивал подбородок, не пробовал пригвоздить его взглядом к полу. Я не принимал вызывающей или оскорбленной позы, не пытался казаться рассерженным или непочтительным. Несколько последних месяцев наглядно продемонстрировали мне, что Мерлин получил свою нынешнюю работу не по объявлению в газете. Он являлся, выражаясь кратко, сильнейшим чародеем планеты. И обладал даром, навыками и опытом для того, чтобы использовать эту свою силу с максимальной эффективностью. Если бы у нас с ним дело дошло до обмена магическими оплеухами, того, что от меня осталось бы, не хватило бы даже на то, чтобы наполнить коробку с обедом. Чего-чего, а драться с ним мне не хотелось.

Но и идти на попятную тоже.

— Он ведь был совсем еще ребенок, — сказал я. — Мы тоже не сразу стали взрослыми. Он нагородил ошибок. Мы все совершали ошибки.

Мерлин смерил меня взглядом, в котором раздражение мешалось с презрением.

— Тебе ведь известно, что делает с человеком использование черной магии, — сказал он. Легкие оттенки тона, безупречно выверенное ударение на этих словах не оставили сомнений в невысказанном продолжении: «Известно, потому что ты ею занимался. Рано или поздно ты тоже оступишься, и настанет твой черед». — Один раз, потом еще. И еще.

— Я это слышу то и дело, Мерлин, — ответил я. — «Скажи „нет“ черной магии». Но у этого мальчишки не было никого, кто рассказал бы ему правила, кто учил бы его. Если бы кто-нибудь вовремя узнал про его дар и сделал бы что-нибудь...

Он поднял руку, и в этом простом жесте было столько властности, что я замолчал.

— Ты не принял в расчет, Страж Дрезден, что юноша, допустивший глупую ошибку, умер задолго до того, как мы обнаружили

причиненное им зло. То, что от него осталось, было не чем иным, как монстром, который до конца своих дней сеял бы вокруг себя лишь смерть и ужас.

— Я это знаю, — ответил я и на этот раз не смог сдержать ни гнева, ни досады. — И я знаю, что это необходимо было сделать. Знаю, что это единственное средство, которое могло бы остановить его. — Мне показалось, что меня вот-вот вырвет снова. Я закрыл глаза и оперся на свой массивный дубовый посох. Справляясь с желудком, я повернулся к Мерлину. — Но это не отменяет факта: мы только что убили парня, который, возможно, даже не понимал, что с ним происходит.

— Вряд ли ты вправе обвинять кого-либо в убийстве, Страж Дрезден. — Мерлин выгнул седую бровь. — Не ты ли разрядил пистолет в затылок женщине, в которой лишь заподозрил Собирателя Трупов?

Я поперхнулся. Еще бы не я — в прошлом году. И если бы я ошибся в своей догадке, если бы меняющий тела чернокнижник, известный как Собиратель Трупов, и правда не перепрыгнул в тело Стража Лючко, вышло бы так, что я убил ни в чем не повинную женщину, члена Белого Совета.

Я не ошибся тогда — но я никогда прежде... не убивал? Да нет, в пылу боя убивал, и не раз. И людей, и нелюдей. Однако смерть Собирателя Трупов вышла другой. Я убил его — или ее? — обдуманно, хладнокровно. Точнее, почти хладнокровно. Никого другого — только я с пистолетом в руке и безжизненный труп. Я отчетливо помнил, как принял решение, ощущение холодного металла в руке, тугой ход спускового крючка, грохот выстрела и то, как вяло повалилось наземь тело.

Я убил человека. Осознанно лишил жизни.

И кошмар этот до сих пор терзает меня по ночам.

Собственно, у меня и выбора-то особого не было. Промедли я хоть секунду, и Собиратель Трупов призвал бы на помощь свою смертоносную магию, а тогда лучшее, на что я смог бы надеяться, — это смертное проклятие, которое поразило бы меня сразу же, как я убил бы чертова некроманта. И вообще, последний день или два выдались тогда не самыми удачными, так что нервишки у меня были так себе, на взводе. Да и будь иначе, уверен, в открытом бою я бы с Собирателем Трупов не справился. Потому я и не дал ему шанса на открытый бой. Я выстрелил ему в голову —

в упор. Собирателя необходимо было остановить, и другого варианта у меня не имелось.

Я казнил по подозрению.

Никакого следствия. Никакого заглядывания в душу. Никакого беспристрастного судейства. Черт возьми, да я даже испугаться не успел! Бах! Шлеп! В итоге один живой чародей, один мертвый нехороший парень.

Я сделал это, чтобы защитить себя и других. Возможно, я принял не лучшее решение — но единственно возможное. Я не колебался даже доли мгновения. Просто нажал на спуск и занялся другими проблемами — тем более в ту ночь их у меня хватало.

Поступил так, как и положено поступать Стражу. Вроде как поумерил свой святее-вас-всех пыл.

Бездонные голубые глаза внимательно следили за моим лицом, и Мерлин медленно кивнул.

— Ты казнил ее, — негромко произнес Мерлин. — Потому что это было необходимо.

— Это совсем другое дело, — пробормотал я.

— Разумеется. Твой шаг требовал гораздо более глубокого осмысления. Ты действовал в темноте и в одиночку. Подозреваемый обладал значительно большей силой, чем ты. Промახнись ты — и это стоило бы тебе жизни. Ты поступил так, как того требовала обстановка.

— «Необходимо» еще не значит «правильно», — возразил я.

— Возможно, — кивнул он. — Однако законы магии — это все, что препятствует чародеям злоупотреблять своей силой в отношении смертных. Здесь нет места для компромисса. Ты теперь Страж, Дрезден. Тебя должен волновать в первую очередь твой долг перед смертными и перед Советом.

— Долг, который означает порой убийство детей? — На этот раз я не пытался скрыть презрение; впрочем, пар из меня почти весь вышел.

— Долг, который означает поддержание закона — всегда и везде! — рявкнул Мерлин, пробуравив меня искрящимся от ярости взглядом. — Это твой долг. А теперь — еще в большей степени, чем прежде.

Я первым отвел глаза, не дав ему заглянуть мне в душу. Эбинизер стоял в паре шагов от меня, молча изучая выражение моего лица.

— Для своих лет ты повидал много, даже слишком, — продолжал Мерлин, хотя голос его чуть смягчился. — Но ты не видел, как ужасно все может обернуться. Даже вполтину того не видел. Законы существуют не по прихоти. И буквы их необходимо держаться.

Я повернул голову и посмотрел на небольшую алую лужицу, которая успела скопиться на полу рядом с телом мальчишки. Имени его мне так и не сказали.

— Верно, — устало кивнул я и вытер чистой полрой плаща кровь с лица. — Я вижу, чем написаны эти буквы.

Глава 2

Я повернулся и вышел из склада на улицу, в чикагскую интерпретацию лета в Майами. Июль на Среднем Западе часто выдается знойным, но в этом году жара стояла особенно мучительная и часто шел дождь. Склад находился в порту, а следовательно, на берегу озера, вода в котором — как правило, ледяная — тоже была теплее обычного. В результате в воздухе еще сильнее воняло тинной, гнилыми водорослями и тухлой рыбой.

Проходя мимо двух дежуривших у входа Стражей в серых плащах, я обменялся с ними кивками. Оба были младше меня — явно из последнего набора в военно-полицейские силы Белого Совета. Миновав их, я ощутил едва заметное покалывание — завесу, заклятие, скрывавшее склад от посторонних взглядов. По меркам Стражей, не особенно крутая завеса, но, возможно, мне и такая не удалась бы, да и выбор Стражей сильно сузился после успешной наступательной операции, которую провела Красная Коллегия прошлой осенью. Нищие не выбирают.

Я скинул плащ и балахон, оставшись в шортах цвета хаки, красной футболке и кедах. Вряд ли от этого стало намного прохладнее, но, по крайней мере, я не ощущал себя больше таким жалким. Я поспешил к своей машине — изрядно побитому «фольксвагену-жуку»; я оставил его на стоянке, опустив все стекла, чтобы нутро его не превратилось на солнце в раскаленную духовку. Вследствие того что мой механик последовательно заменял поврежденные панели частями выброшенных на свалку «жуков», машина представляет собой сложную мозаику различных цветов, однако, поскольку изначально кузов имел светло-голубую окраску, он до сих пор носит имя «Голубой жучок».

Позади послышались быстрые тяжелые шаги.

— Гарри! — окликнул меня Эбинизер.

Не оборачиваясь, я швырнул плащ с балахоном на заднее сиденье «жучка». Пару лет назад внутренности моей машинки ободрали до голого металла, и мне пришлось на скорую руку ремонтировать все подручными средствами: деревянным хламом и изолентой. С тех пор один из моих друзей потрудился над интерьером. Теперь его трудно назвать стандартным, да и симпатичным тоже, но плетеные сиденья все-таки удобнее и приятнее деревянных ящиков, на которых приходилось сидеть прежде. И у меня наконец снова появились пристойные ремни безопасности.

— Гарри, — повторил Эбинизер. — Черт подери, парень, да погоди же!

Я поиграл с мыслью сесть в машину и уехать к чертовой матери, но вместо этого остановился и подождал, пока старый чародей поравняется со мной, стаскивая на ходу свои плащ и балахон. Под ними обнаружили поношенный джинсовый комбинезон, белая футболка, на ногах — тяжелые кожаные походные башмаки.

— Нужно с тобой кое о чем переговорить.

Секунду-другую я молчал, стараясь взять себя в руки. Я имею в виду, и эмоции, и желудок — что-то не хотелось мне повторять недавнее представление на складе.

— О чем?

Он остановился в паре шагов от меня:

— Война идет неважнецки.

Разумеется, он имел в виду войну между Белым Советом и Красной Коллегией вампиров. Несколько лет она сводилась к замысловатым пируэтам на цыпочках и стычкам в глухих закоулках, однако прошлой осенью вампиры повысили ставки. Свое наступление они скоординировали по времени с активизацией деятельности предателя в рядах самого Совета и с нападением нескольких некромантов-чернокнижников, которые подняли из могил мертвых, вызвали всяких злобных духов... и сотворили множество других, еще более омерзительных вещей.

Вампиры нанесли Совету удар. Тяжелый. Прежде чем битва завершилась, они убили почти две сотни чародеев, в основном Стражей. Собственно, поэтому мне и вручили серый плащ — им отчаянно требовалась любая помощь.

Однако помимо чародеев вампиры убили еще почти сорок пять тысяч человек — мужчин, женщин, детей, которым не посчастливилось оказаться поблизости.

Поэтому я и принял плащ. Такое невозможно оставлять без наказанным.

— Я читал сводки, — буркнул я. — Там говорится, Венатори Умброрум и Братство Святого Жили развернули активные действия.

— Не просто развернули. Если бы они не начали наступления, чтобы отвлечь силы вампиров, Красная Коллегия разделилась бы с Советом уже несколько месяцев назад.

Я моргнул от неожиданности:

— Так серьезно?

Венатори Умброрум и Братство Святого Жили являлись главными союзниками Совета в войне с Красной Коллегией. Первые представляли собой древнее, глубоко законспирированное сообщество, объединившее борцов с темными сверхъестественными силами везде, где только можно. Вроде масонов, только с большим количеством огнеметов. Но в наше время они превратились скорее в этакое академическое учреждение, и, хотя некоторые из них обладают тем или иным военным опытом, подлинная их сила заключается в ловком использовании официальных структур правопорядка, а также в анализе информации, полученной из самых различных источников.

Совсем другое дело — Братство Святого Жили. Числом они уступали своим ученым собратьям из Венатори, зато большая их часть уже не совсем являлась людьми. Насколько я понимаю, основную их численность составляют те, кого наполовину обратили в вампиров. Они заражены той темной силой, которая превращает Красную Коллегию в столь опасного противника, однако до тех пор, пока они добровольно не напились настоящей человеческой крови, они не перестают быть людьми. Зато они становятся сильнее, быстрее и выносливее обычных людей, и живут они на порядок дольше — если, конечно, не падут жертвой непрерывной жажды крови или не погибнут в бою с врагами из Красной Коллегии.

Несколько лет назад женщину, которая очень много значила в моей жизни, захватили вампиры из Красной Коллегии. Собственно, и война-то началась из-за того, что я отбил ее обратно, не особенно выбирая средства. Отбить я ее отбил, но не спас. Черная магия вампиров коснулась ее, и теперь вся ее жизнь превратилась в бой — в бой с вампирами, которые сделали с ней такое, и с жаждой крови, которой они ее заразили. Теперь она состояла в Братстве, куда входили люди вроде нее, а также, как я слышал,

многие другие люди и не совсем люди — те, кому некуда больше податься. Святой Жиль, как известно, покровительствует прокаженным и изгоям. Его Братство, пусть и уступает мощью нашему Совету или вампирским династиям, все же представляет собой серьезную силу, и союзник из них очень и очень полезный.

— Наши союзники не могут выступить против вампиров в открытом сражении, — кивнул Эбинизер. — Но они сеют смуту на коммуникациях Красной Коллегии, затрудняют ведение разведки, мешают кормиться на смертных. Они выявляют внедрившихся к людям агентов Красных. Смертных, находящихся под контролем Красной Коллегии, задерживают, сажают в тюрьму или убивают — в любом случае изолируют. Венаторы и Братство делают все, что в их силах, чтобы снабжать нас оперативной информацией, — именно благодаря их помощи нам удалось провести несколько успешных операций против вампиров. Наши союзники не то чтобы нанесли им серьезный урон, но заметно сковали в действиях. Возможно, достаточно, чтобы дать нам шанс восстановиться.

— А как дела с подготовкой пополнения? — поинтересовался я.

— Лючко уверена, что со временем нам удастся компенсировать все наши потери, — ответил Эбинизер.

— Не вижу, чем еще я мог бы помочь, — сказал я. — Если только вы не хотите, чтобы кто-то занялся зачатием новых чародеев.

Он шагнул ближе и огляделся по сторонам. Лицо его оставалось невозмутимым, но он проверил, нет ли поблизости кого-либо, способного нас подслушать.

— Тебе известно не все. Мерлин решил, что об этом не стоит знать всем.

Я повернулся к нему и склонил голову набок.

— Помнишь прошлогоднее наступление вампиров? — продолжал Эбинизер. — Когда они призвали Иных и напали на нас на землях фэйри?

— Насколько я понял, они поступили необдуманно. Фэйри с них за это шкуру спустят.

— Мы тоже так считали, — кивнул старик. — И правда, Летние объявили войну Красной Коллегии и даже обменялись с ними ударами. Однако Зимние не отреагировали никак — да и у Летних, говоря прямо, тоже дальше укрепления границ не пошло.

— Королева Мэб не объявила войну?

— Нет.

Я нахмурился:

— Как-то не верится, чтобы она не использовала такого шанса. При ее-то кровожадной натуре...

— Нас это тоже удивляет, — признался Эбинизер. — Поэтому я и хочу попросить тебя об одолжении.

Я молча смотрел на него.

— Узнай причину, — произнес он. — У тебя есть связи в обеих династиях. Узнай, что происходит. Почему сидхе не ввязались в войну.

— Что? — не поверил я своим ушам. — Совет Старейшин не знает этого? А как же все ваши посольства, связи в верхах, официальные каналы? А большой красный телефон?

Эбинизер улыбнулся, хоть и не слишком весело.

— Война изрядно ограничивает возможности добывать информацию, — ответил он. — И мир духов не исключение. Просто там борьба сверхъестественных шпионов и всех прочих заинтересованных сторон ведется на ином уровне. А что до наших посольств у сидхе... — Он пожал плечами. — Ну, кому знать, как не тебе.

— С ними сидхе вели себя вежливо, открыто, искренне, но оставили в полнейшем неведении насчет причин происходящего, — предположил я.

— Именно так.

— И Совет Старейшин просит меня выяснить это?

Он снова обернулся:

— Не Совет Старейшин. Я прошу. И еще кое-кто.

— Кто?

— Люди, которым я доверяю, — сказал он и глянул в упор поверх очков.

Мгновение я внимательно смотрел на него, потом кивнул.

— Предатель, — прошептал я.

Слишком круто провернули Красные все прошлым летом, чтобы считать это просто удачей. Каким-то образом им удалось выведать жизненно важные секреты вроде дислокации сил Совета и их планов. Кто-то из наших скармливал им эту информацию, а результатом стала гибель многих чародеев — в том числе на землях сидхе, куда Красные вторглись, преследуя наши отступающие порядки.

— Вы считаете, — продолжал я, — что предатель входит в Совет Старейшин?

— Я считаю, что мы не можем рисковать, исключая такую вероятность, — тихо произнес он. — Это не официальное поручение. Я не могу приказать тебе, Гарри. Я пойму, если ты откажешься. Но никого лучше для такой работы нет — и наших нынешних союзников хватит в таких условиях ненадолго. Их лучшим оружием всегда была скрытность, а нынешняя активность обходится им слишком высокой ценой — они платят жизнями, и только ради того, чтобы помочь нам.

Я сцепил руки на животе:

— Конечно, мы должны им помочь. Но всякий раз, стоит мне покоситься в сторону фэйри, я вляпываюсь во все более серьезные неприятности с ними. Меньше всего мне сейчас нужно вот это. И если я пойду на...

Эбинизер переступил с ноги на ногу, хрустнув гравием. Я покосился в сторону склада и увидел выходящих Мерлина с Морганом. Они тихонько беседовали, не глядя по сторонам.

— Я как раз хотел поговорить с тобой, — громко произнес Эбинизер явно в расчете на посторонние уши. — Хотел удостовериться, что Морган и другие Стражи относятся к тебе с уважением.

Я подхватил намек.

— Когда они со мной вообще разговаривают, — ответил я. — Едва ли не единственный Страж, с которым я общаюсь, — это Рамирес. Неплохой парень, он мне нравится.

— Что ж, очко в его пользу.

— То, что заложенная в Совет бомба с часовым механизмом хорошо о нем отзывалась? — Я замолчал, пропуская Мерлина с Морганом и ожидая, что те уйдут, но они, не прекращая вполголоса переговариваться, остановились неподалеку от нас. Некоторое время я смотрел на гравий у моих башмаков, потом заговорил еще тише: — На месте этого паренька запросто мог оказаться я.

— Это было давно, — возразил Эбинизер. — Ты был совсем еще сопливым мальчишкой.

— Как и он.

Лицо Эбинизера застыло.

— Мне жаль, что тебе пришлось наблюдать все это.